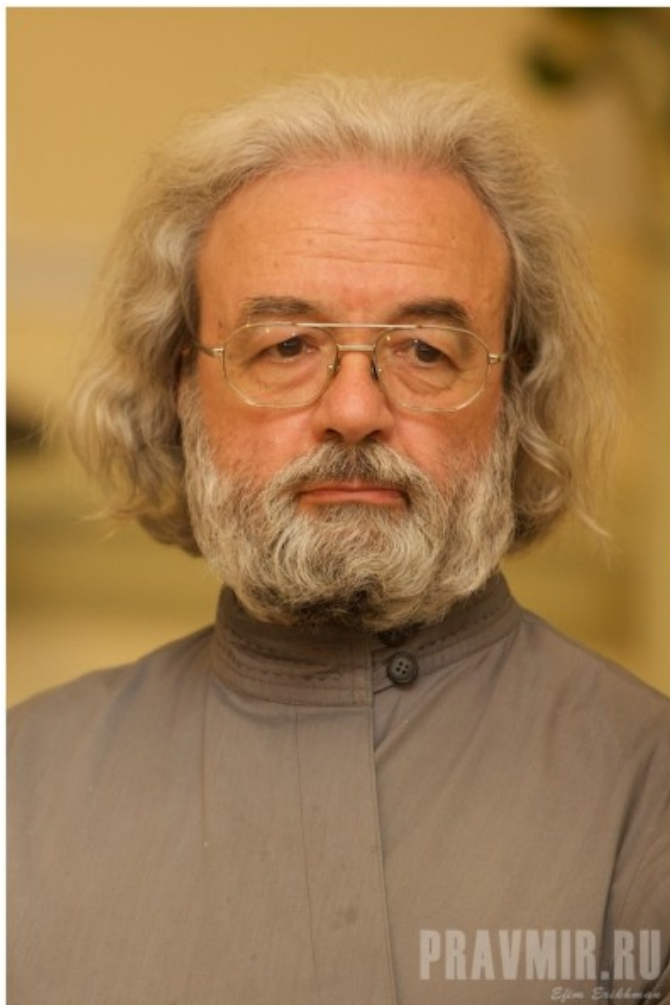

Анна Данилова в своей статье «Ампутация: год первый» пишет: «Дай Бог, есть встреча с теми, кто дорог нам и кто дал нам прочувствовать любовь, привязанность и счастье. Внутренне я совершенно уверена, что матушка Наталия Николаевна Соколова встретила со своими возлюбленными сыновьями отцом Феодором и владыкой Сергием, с мужем — отцом Владимиром. Что матушка Адриана встретила со своим Мишенькой, за веру и Отечество живот свой положившим... Нет у меня такой уверенности про себя. Но может, и не надо?» Своими размышлениями об этих словах и о том, как нам следует относиться к потерям, делится протоиерей Александр Ильяшенко.

Мысли, которые нельзя мыслить

Протоиерей Александр Ильяшенко

Потерять близкого человека – это горе, и горе совсем не шуточное. Горько, грустно, тяжело, это все так. Мы, конечно, люди земные, кажется, что горе накрывает с головой. Но перспектива-то у человека – это вечность. И наши умозаключения мы должны строить именно в перспективе вечности.

Мы знаем, что браки совершаются на Небесах. Это же совсем не просто слова! Мы знаем, что тех, кого Господь соединил здесь на земле, Он и в вечности не разлучит. Ведь в Евангелии говорится: «Что Бог сочел, человек да не разлучает» (Мк: 10:9). Значит, если Сам Бог сочел, Сам Бог и не разлучит.

Когда мы сомневаемся во встрече с любимыми ушедшими, когда возникают такие невеселые мысли, нужно задаться вопросом: откуда они берутся?

Ответ очевидный: конечно, от лукавого. Враг рода человеческого – существо совершенно беспощадное. Он прекрасно знает, как человеку тяжело, даже лучше, чем многие из нас, но его задача – сделать человеку хуже.

Принцип у него только один, причем этот принцип он проводит в жизнь последовательно и постоянно: причинить людям как можно больше вреда. Человеку, который так страдает, так мучается от невозполнимой утраты, от того, что у него отрезали кусок жизни, кусок души, кусок его самого, лукавый добавляет мучений: пусть еще сильнее мучается. Чем человек сильнее мучается, тем лукавому лучше.

Так вот, есть такие мысли, которые нельзя мыслить. Эти размышления о сомнительности встречи как раз из их числа. Опровергнуть их довольно трудно. Что, неужели сказать самому себе: «Я такой хороший, значит, я достоин быть в вечности с моим дорогим человеком»? Не скажешь ведь самому себе так!

Надо исходить из того, что Господь милостив. Господь не разлучает тех, кого он Сам на земле соединил. Значит, эти мысли просто нельзя мыслить, нельзя себе позволять об

этом думать. Надо понимать, что голова-то твоя, а вот эти мысли не твои, они от лукавого.

Конечно, очень трудно на них не откликнуться. Кажется, что невозможно их из своего сознания изгнать, просто невозможно – самому. Но и тут надо помнить слова Спасителя – «Человекам это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу» (Мк. 10:27).

Лукавый, прикрываясь личиной псевдосмирения, псевдосамоосуждения, псевдопокаяния, внушает человеку мысли о недостойности: «Конечно, твой супруг или супруга... они такие замечательные люди были! Это очевидно, никто не спорит, что они у Бога. А ты-то кто? Вот ты кто? А ты никто. Значит, тебе его и не видать». Совершенно очевидно, что это бесовская ложь.

Настоящее смирение другое. «Да, Господи, я грешный, но молю тебя, чтобы мы в вечности были вместе». Так можно молиться. Конечно, нужно стараться быть достойным того, кого Господь забрал в рай.

Надо стараться делать то, что он бы хотел, чтобы было сделано, доделать то, что он не успел здесь потому, что Господь судил так, чтобы ему уже быть в Царствии небесном.

А вот сомневаться в милосердии Божьем нельзя. Исходить нужно именно из Божественной любви, Божественной милости, Божественной правды. А еще из того, что любовь, если она настоящая любовь, сильнее смерти.

Тяжелая разлука и светлая печаль

Смерть – это действительно продолжительная, тяжелая, очень тяжелая, но разлука. Нам неизвестно, когда она окончится. Можно только пожелать, чтобы Бог всем тем, кто остался, дал долгих лет жизни. Эта разлука, по всей видимости, будет долгой. Нам нужно строить свою жизнь таким образом, чтобы, не падая духом, не унывая, нести свой нелегкий крест. Но если этот крест воспринят как крест, который даровал Господь, то он становится приносящим радость – радостотворным, творящим радость.

Радость может быть на фоне печали. У Пушкина есть прекрасные слова: «Печаль моя светла». Печаль никуда не денется, но она может преобразиться. Речь не о каком-то неподобающем веселии, жизнь изменилась, нам больно от разлуки, но такая печаль может претвориться в радость, если она со Христом.

Эту печаль ни в коем случае нельзя воспринимать, как слабость. Потери близких действительно очень тяжелы. Но тот, кто остается здесь, может и жизни радоваться, и понимать, что на самом-то деле он и не один. Те, кто уже предварили нас в Царствии небесном, о нас молятся, они нас видят, нам сопереживают, сострадают. Своими молитвами помогают нести тот крест, который Господь возложил на тех, кто остался.

Необходимо напряженное внутреннее делание. Совсем нелегко все это принять, понести и находить какое-то утешение, успокоение. Люди подчас очень нетерпеливы. Мы хотим, чтобы как-то внутренне все нормализовалось. Хотим, чтобы все было хорошо. Причем желательно – побыстрее.

Мы, сами того не замечая, часто исходим из афоризма Козьмы Пруtkова: «Хочешь быть счастливым, будь им». Тем он и смешон, что о трудно достижимом говорит, как о чем-то очень простом. Но быть счастливым совсем непросто! Не получается сразу – тут же расстраиваемся. Мол, раз не выходит быть счастливым, значит, и не получится, а раз не получится, значит, все плохо. Раз плохо – это потому что мы плохие, а раз мы плохие, то никакой встречи нам не видать.

Замкнутый круг. Но еще раз повторю, эта логика от лукавого. Мысли эти надо прогонять из головы. Как? Только молитвой.

Поставить лукавого в идиотское положение... молитвой

Лукавому нужно вогнать человека в тоску. Вот он и вкладывает ему в голову такие мысли, которые имеют самое серьезное основание, чтобы быть действительно похожими на реальность.

Однако если вместо того чтобы поддаться этим псевдосмирным, псевдопокаянным мыслям, человек начнет молиться, просить Господа о помощи, будет каяться в маловерии, в унынии, то он поставит лукавого в идиотское положение. Тот хотел, чтобы человек пришел в тоску и начал отчаиваться, а вместо этого человек начинает молиться и каяться. То есть, вместо того, чтобы толкнуть человека на грех, лукавый достигает противоположной цели: он становится причиной его духовного подвига. Любой человек в любом состоянии может лукавого посрамить. Просто взять и посрамить его, гнусного, беспощадного, безжалостного, чудовищного, бесчеловечного. Надо только уповать на Господа и помнить, что зло в своей основе бессильно.

Нет рационального ответа

О том, что будет в загробной жизни, какая она, нам почти ничего не открыто. Мы действительно не знаем, как будет выглядеть встреча, какими будем мы сами. Мне кажется, есть сферы, в которые для нас доступ закрыт: не понимаем и не понимаем.

К этому непониманию надо относиться с неким смирением: «Да, я этого не знаю и не понимаю». Ничего в этом особенного нет.

Мы хотим получить ответ. Вроде бы это законное желание каждого человека, но, в силу устройства нашей природы, мы хотим получить ответ рациональный. Однако есть вопросы, на которые нет рационального ответа – просто нет, и все. Нравится нам или нет, но нет ответа на эти вопросы. Нельзя на подобные вопросы, законные вопросы, получить ответ в сфере рациональной.

А ответ этот сверхрациональный. Бог смерти не сотворил, она противоестественна. Но она есть. Как это совместить – противоестественность смерти и человеческий разум? Да никак.

Представим некую ситуацию. У мамочки умер ребенок. Разве можно ей это объяснить? «Это, мол, произошло с тобой, потому что ты грешная». Надо так понимать, что тот, кто позволяет себе так высокомерно говорить с убитой горем матерью, сам безгрешный, и все окружающие – тоже безгрешные? Но такое «утешение» – это же просто издевательство над мамочкой и ее горем. Ведь он умер вовсе не «потому что». Не потому, что мамочка какая-то, не потому, что ребеночек какой-то.

Можно «объяснить» по-другому: Можно сказать: «Это горе постигло тебя, чтобы ты еще лучше спасалась». Это что ж, все окружающие успешно спасаются, с этим у них все в порядке? Отлично! А советчик, значит, сытый, довольный, хорошо покушал, сладко поспал, никто у него не умерал – значит, у него все в порядке, да?

Или: «Ему там лучше». Ну, ничего себе! Ему там лучше, а тебе здесь хуже. А советчик

опять-таки, сыто улыбаясь или вроде как сострадаая, маме доказывает, что ей так лучше.

Извините, что это за бред такой?

Надо понимать, что есть вещи, которые выше нашего разумения. Если подходить к ним рационально, то мы рискуем превратиться в самодовольных тупиц. Нет на этом пути ответа на этот вопрос. Рационального нет!

Нет, подобные трагедии – это тайна Божия, принять которую можно, только полностью Ему доверившись: «Ты, Господи, так решил, значит, так тому и быть. Да будет воля святая Твоя! Но я понять этого не могу, укрепи мою веру, дай мне силы принять то, что Ты мне судил».

Надо твердо понять, что в такой трагической ситуации вопрос стоит ребром: или-или. Или ты подвигом смиренной молитвы обретешь силы от Бога и выступишь в этой тяжелейшей борьбе, или лукавый тебя скрутит в бараний рог, и ты спятишь от мыслей, которые поглощают все твое внимание, высасывают все силы, потому что ответа на них нет.

Мир снизойдет в душу, если найти силы принять волю Божию. Но нельзя эти силы искать в себе, это тупиковый путь, заранее обреченный на неудачу. Смирение – благодатная добродетель, и каждая добродетель – это дар Божий, который Господь по своей неизреченной милости дарует просящим у него. От нас – стремление, получить дар Божий, вера в Его всемогущество и сострадательную любовь, постоянство, молитвенное усердие, а результат от Бога. Конечно, это духовное делание требует и многих усилий и многого времени, но и плод приносит обильный. «Не мерою дает Бог духа».

Как Господь «Сам искушен быв, может и искушаемым помощи», так и человек переживший страдание может и сострадать, и понять, и простить, дать мудрый совет и согреть своей любовью.

Есть ответ, который дает только вера. Она должна быть несокрушимой. Не только в бытие Божие, а в Его милосердие. Но верить в милосердие Божие гораздо труднее, чем в Его бытие. Есть вещи запредельные, они выше нашего представления. Не может этого быть, не должно такого быть, как это – близкий человек – и его нет? Не может этого быть. И действительно, этого быть не может, потому что Бог смерти не сотворил.

Но смерть есть. Почему? Не найти логического ответа на этот вопрос. Однако если со смирением Господа молить, ответ в душе прозвучит. Человек сможет сказать: «Прав Ты, Господи. Ты так решил, так тому и быть. Мне тяжело, но я это приму и перетерплю. Дай мне сил принять волю Твою!» Принять волю Божию и исполнить ее и есть цель

духовного подвига каждого человека.

Апостол Павел, которому было столько открыто, который был на небе, говорил, что «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор. 13:12). Раз такой великий святой, как апостол Павел, не дерзал углубляться в тайны вечной жизни, то что говорить о нас? Но тот же апостол Павел говорит, что мы все воскреснем. «Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?» (1 Кор. 15:12). Собственно, Воскресение Христово является самым убедительным ответом на все действительно радикальные вопросы.

Раз Христос Воскрес, значит, есть вечная жизнь. Значит, с земной жизнью не кончается ни жизнь человека, ни тем более не исчезает он в черную яму, и наше общение будет. Оно и есть сейчас. В вечной жизни оно будет гораздо более полным, гораздо более насыщенным, безоблачным. Всегда в нашей жизни бывают какие-то неурядицы, даже среди самых любящих людей. Там будет совсем в другом качестве.

Надо дождаться, дожить до этой встречи. Предстоит тяжелый труд перенесения этой разлуки и ожидания встречи, несущей такую радость, которая и не приходила на ум человеку.

Почему мы сейчас не чувствуем присутствия умерших?

По сути своей мы все сентиментальные люди, нам бы хотелось позитивные, приятные переживания испытывать чаще. Но законы духовной жизни подчас не соответствуют нашим благим пожеланиям – они гораздо более суровые.

Конечно, хорошо чаще видеть того, к кому стремится твоя душа. Мы знаем, что преподобный Серафим Саровский пламенно любил Божию Матерь. Мы знаем, что Божия Матерь ему являлась. Правда? А раз преподобный Серафим так любил Божию Матерь, надо думать, он горячо желал общения с Пречистой. Спрашивается тогда, почему же Она ему не являлась каждый день? Казалось бы, разве преподобный Серафим не заслуживает такой милости? Нет, оказывается, все предельно ограничено. Столько, сколько Господь ведает. Все очень строго, духовная любовь очень строгая.

Мы должны жить в перспективе вечности, а не в перспективе наших, пускай понятных нам, в силу нашей сентиментальности, стремлений переживать то или иное. Значит, это не нужно, значит, это не полезно. Значит, это ничего не дает для духовной жизни.

Представим себе, что снится нам наш дорогой усопший каждый день. Спустя какое-то время это начнет приедаться, или начнем думать: а почему он такой, а не сякой, почему так, а не иначе, почему молчит, может быть, недоволен и сердится?

Любовь вовсе не набор сентиментальных переживаний, которые мы, в силу своей сентиментальности, желали бы переживать.

Моя тетушка потеряла своего горячо любимого мужа, когда ей было всего лишь 24 года. Он погиб на фронте. Она любила его настолько горячо и преданно, что несмотря на то, что ей неоднократно делали предложение очень достойные люди, всем отказывала. Его фотография стояла у нее на столе, но не всегда. Она периодически ее убирала, чтобы глаз не замыливался, чтобы не возникало привыкания. А потом снова доставала.

Всё сложнее, чем нам кажется. Слава Богу, что мы – люди эмоциональные, что не «деревяшки». Только нельзя свою склонность к сентиментальности, возводить как бы в абсолют. Не в том совсем дело. Надо уметь отбраковывать то, что соответствует законам духовной жизни, от того, что им не соответствует.

Писание говорит, что «любовь как смерть крепка» (см. Песн. 8:6). Какое выражение! Как оно многозначительно, какая страшная вещь – смерть. Так вот, любовь крепка как смерть. Какое сравнение! Значит, речь идет не о сантиментах, а о чем-то исключительно глубоком, требующем колоссального мужества и строгости к себе.

Понятно, легко говорить: «Будь строг к себе!» Говорить-то легко, но открывается это знание медленно и постепенно. Это подвиг возрастания в любви, подвиг возрастания в духовной жизни. Любовь и духовная жизнь – это в какой-то мере синонимы. Это требует больших усилий, времени и очень грамотного и трезвенного отношения к своему состоянию, к своим переживаниям. А, главное, требует постоянной работы над собой.

Крест разлуки

Разлука, которую несет смерть близкого человека – это крест. Но крест – это крест. Крест – это постоянный тяжелый труд. Нельзя отказываться от этого труда, нужно молить Господа об упокоении наших дорогих усопших и о том, чтобы дал Господь силы понести этот тяжелейший крест, дал силы не унывать, дал силы молиться, дал силы бороться.

Тогда та радость, которую только Сам Господь может вложить в душу человека, та радость, которая на самом деле выше каких-то наших представлений, откуда она берется, и что это такое, вот такая радость снизойдет в душу и преобразит ее. Преобразит, и даст силы идти по жизни, не унывая, радостно. Конечно, с какой-то особой болью, печалью, но светлой печалью, вспоминая с благодарностью тех, кто ушел из нашей жизни, и с твердой уверенностью, что встреча, которая будет необыкновенно светозарной, несомненно, состоится.

Потому что –

Христос Воскрес!